

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замаева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

11.8.13

№104 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Святитель Питирим Тамбовский

День памяти святителя Питирима, просветителя Тамбовского края отметили мы 11 августа. Родился он в 1645 году и в первую же минуту появления на свет убедил свою мать и повивальную бабку, что голос у него неординарный. Вся округа тогда услышала весть о его появлении, так сказать, из его же уст.

Голос его пригодится для служения Церкви. С самого детства он читает на клиросе и поет в церковном хоре солистом-канонархом.

Пение и чтение в храме с малых лет наложили на Питирима - будущего просветителя Тамбовского края - глубокий отпечаток церковности. К этому нужно еще добавить влияние на юношу иноческой братии Вяземского Иоанно-Предтеченского монастыря, в который Питирим любил хаживать. Эта обитель славилась строгостью устава и истинно подвижнической жизнью насельников монастыря. Очевидно, именно здесь он для себя окончательно решил встать на путь монашества.

И в выборе своей жизненной стези он не ошибся. Став иноком в этом же Иоанно-Предтеченском монастыре, он возрастал духовно - строго постился, точно исполнял послушание, причём, делал он это с удовольствием.

В свои 32 года, он стал уже игуменом Вяземского монастыря, получив редкий в то время сан архимандрита.

Но настоящий трамплин в его карьере случился через пять лет - в 1682 году 21 мая, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери. В этот день совершался, по местному обычаю, крестный ход из Вяземского собора в Иоанно-Предтеченский монастырь. И вот Питирим заметил в толпе несомую икону преподобного Аркадия Вяземского, написанную, с его точки зрения, соблазнительно. Дело в том, что изображённый на этой иконе святой в юности нёс подвиг юродства - внешним безумием прикрывал свои действительные и очень высокие добродетели, а незадачливый иконописец, по всей видимости, увидел лишь внешнее юродство и не сумел, так сказать, заглянуть внутрь, в душу этого подвижника. В общем, с иконы глядел преестественный дурачок. Питирим этого перенести не смог и насильственно забрал эту икону у страстных её почитателей. Люди были глубоко обижены таким поступком архимандрита - в Вязьме началось народное брожение, а на следующий год назрел бунт - громадная толпа окружила Питирима, требуя возвращения иконы. Архимандрит спасался бегством.

Но нет худа без добра. Дело об этой иконе стало известно Патриарху Иоакиму, который, глядя на этот «шедевр», согласился, что икона «недоброписанная». Действия архимандрита были одобрены и оценены. Питирим понравился Патриарху, он вызвал его в Москву, назначил управляющим Там-

бовской епархией, а 15 февраля 1685 года Питирим был рукоположен в епископский сан.

Такой вот поворот в жизни Питирима сыграла эта икона.

Сейчас, конечно, трудно судить - хороший то был поступок архимандрита или не очень. Может - та икона была шедевром иконописи, который Питирим просто не понял. И тогда песенка из мультфильма, свидетельствующая, что «хорошими делами прославиться нельзя», лишний раз подтверждает истинность этой печальной мудрости. Хотя - вряд ли.

О.Иоанн. «Лично я в нашем Сретенском храме снял около тридцати икон, написанных вопиюще бездарно. И, кстати, далеко не все прихожане, мягко выражаясь, были этим довольны».

Будучи епископом, Питирим стал вести активную просветительскую деятельность. Причём, не мечом и насилием, как в те времена было принято, а добротой и любовью. Может быть, история с иконой помогла ему понять, что только любовь и терпение могут приносить хорошие плоды.

Он мог расположить к себе любого человека - и традиционно православного, и старообрядца, и мусульманина, и язычника, и бандита, и разбойника, и бродягу. Его жизнеописатель отмечает: «Бескорыстная любовь, искреннее желание всем добра, а также кроткое, ласковое обращение было главной причиной сильного влияния архипастыря на его пасомых».

Святитель Питирим был еще и строителем. Он воздвиг и благоустроил множество церквей, монастырей, помещений для причта, в общем, оставил большой и добрый след своим архипастырским служением.

28 июля 1698 года на 53-м году своей жизни архипастырь-подвижник предал блаженную душу свою в руки Божии.

Душевность и духовность

Мы успели уже с Вами малость поговорить о существенной разнице между верой и самовнушением, подчеркнуть тот факт, что вера это свойство духа, а самовнушение это способность души. Если с помощью веры, человек устанавливает связь с Богом, то самовнушение - это процесс автономный, происходящий внутри нашего «я», это некая самоориентация души человека, создание, так сказать, виртуальных установок, которые могут помочь удерживать душевное равновесие и даже влиять на состояние самочувствия и здоровья собственного тела.

Мы так же отмечали с Вами, что непосредственное общение с Богом может иметь только наш дух. Хотя это вовсе не означает, что так оно и есть, что каждый из нас реализует эту возможность и общается с Богом в духе. Общение, или молитва в духе, это величайшее и, вместе с тем, редчайшее событие в нашей жизни, а то и вообще в истории Церкви. Миллионы верующих церковных людей, ведущих пристойный образ жизни, участвующих в богослужениях, Таинствах и обрядах, причащающихся Святых Христовых Таин, проживают свой век, так ни разу и не возвысившись на этот духовный уровень общения с Небом.

У апостола Павла это случалось - всего один или два раза в жизни. Он рассказывает, вернее, пытается - ничего путного не может поведать об этих мгновениях. Он говорит: «был я в теле или вне тела - не знаю: Бог знает, но восхищен был до третьего неба» (Флп. 1, 20). Ну, «третье небо» - это, понятно, метафора, означающая какую-то непостижимую даль и высоту. «И был восхищен в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

Молитвы аскетов-подвижников также иногда достигали молитвы в духе. Такой вид молитвы назван «безмолвным». В какие-то мгновения дух святого начинает созерцать Бога, и тогда всё умолкает. Не только уста, но и мысли, и чувства человека.

Никаких слов, никаких молитвословий, никаких жестов и действий. Это особое состояние блаженного пребывания пред Богом, о котором сам молитвенник, придя в обычное состояние, не может ничего рассказать.

Серафим Саровский, однажды совершая литургию в Страстной Четверг, увидел Господа. Ни о каких словах, молитвах, богослужении уже не могло быть и речи. Он умолк, и надолго. Литургию продолжать служить он не мог, и его под руки с амвоном увели в алтарь и поставили в уголочке, где он пребывал, ничего не видя и не слыша, что делается вокруг.

Такое вот общение с Богом – удел немногих. И это не предмет для сетований. Да, мы с Вами обычные люди – нормальные, так сказать – средние. Не то, чтобы у нас дух вовсе бездействует – бывает же все-таки с каждым из нас какие-то минуты просветления, какого-то озарения или прозрения – то, что нельзя квалифицировать обычным земным интеллектом. Иногда совесть заговорит в нас с какой-то особой силой, или то, что мы называем интуицией. Но у нас это всё довольно мутно – как сквозь тусклое стекло, по словам апостола Павла.

Когда мы говорили с Вами, что общаться с Богом может только дух человеческий, это, конечно, не означает, что душа и тело здесь ни при чём. Апостол Павел пишет своим коринфским духовным чадам: «Прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии» (1Кор. 6, 20). А прославление – это, ведь, и есть молитва. Молитва души или тела. А всякая молитва – суть общение с Богом. «Прославляйте Бога в душах и телах...» Даже в телах мы можем прославлять Господа. Стать на колени, приложиться к иконе, перекреститься – это, ведь, действия нашего тела. Кстати, при этом не всегда и душа наша участвует. Наверное, каждый из нас неоднократно ловил себя на посторонних мыслях в храме. Мы можем целовать икону и одновременно думать о том, сколько чего послезавтра надо будет купить на базаре.

Это, конечно, не есть хорошо, но это не страшно – в определенном смысле, естественно. Человек психологически не способен длительное время удерживать сосредоточение на чём-то одном. Мысли наши скользят по поверхности, как по льду, и удерживать их не так-то просто.

Отвлечение мыслей от молитвы – это не грех, если, конечно, это не проявление явной небрежности.

Иное дело, когда люди лицемерят. Человеку, предположим, наплевать на то, чему учил Господь, но этот тип, находясь среди верующих, облекается в тогу религиозного благочестия. Именно о таких говорил Христос, цитируя пророка Исаию: «приближаются ко Мне люди и устами своими, языком чтут Меня, сердце же их далеко отстоит от Меня; напрасно Меня чтут» (Мф. 15, 8).

Это относилось к фарисеям, которых Иисус постоянно обличал. Внутреннее их содержание, как правило, далеко не соответствовало внешнему напускному благочестию и елейности. Сейчас тоже в церковной среде есть достаточно лицемеров, быть может, ничуть не меньше, чем в те времена. Если бы сегодня пришел Христос, наверное, абсолютное большинство духовенства Господа бы не приняли.

Но там уже всё слишком запущено, а то, что мы иногда машинально крестимся, без внимания читаем утренние или вечерние молитвы – это не лицемерие – это немощь нашей души, нашей психики. Конечно, надо стремиться к тому, чтобы, если не дух, то, по крайней мере, душа наша в молитве **участвовала**, но даже тот факт, что мы телеса свои притащили в храм – это уже не ноль. Это ж нужно было совершить определенное насилие над плотью – не дать ей отоспаться в выходной день, притянуть её в храм, часто тернистым путем. Зимой особенно – гололёд, ветер, маршрутки почти не ходят, а ты в холод или слякоть тащишься в храм возблагодарить Бога за всё, что Он нам дает. Это, знаете ли, жертва Богу такая – побольше козлёнка

или барашка потянет, которых в древности приносили в жертву всесожжения. И жертва, в значительной части – телесная. Душевная тоже – телевизор в воскресенье можно было посмотреть, в гости податься, по телефону, лёжа на диване поболтать с друзьями, а так – в церковь переться надо. Но хуже всё-таки телу – стоять в храме надо – спина ноет, ноги болят – хорошо ещё, если скамейки есть, а то ведь в православии – ставка на подвиг. Пятка болит – это хорошо – пущай ещё больше болит – а ты смотри на Христа распятого и хоть пяточкой почувствуй, что такое Крест. Тоже логика в этом есть, но не безупречная. Проблем у нас в жизни хватает и без боли в спине. И приоритеты другие, как говорится – лучше сидя думать о Боге, чем стоя – о больших ногах.

Приоритет нашему **душевному** состоянию мы отдаём с Вами по отношению к телу. С духовностью напряжёнка – подняться до уровня духовности, в общей массе, нам **слабо**. Хотя плох тот солдат, который не хочет стать генералом. Как знать – может и среди нас с Вами Григорий Палама объявится. А что Вы думаете, Серафима Саровского при жизни всерьёз-то почти никто не воспринимал, особенно в молодости. Монастырская братия даже как-то недолгоблывала преподобного. Это же очень показательный случай с этой милой «шуткой», когда монахи тайком забрались в келью Серафима и разобрали печку. Очень смешно было, небось, долго хохотали, когда бедный святой пришел в свою каморку – а там – минус сорок по Цельсию.

Как-то спросили преподобного Серафима: «А почему так много людей на свете, и так мало святых. Это что – для того, чтобы стать великим подвижником, человеком духа – это что – какой-то особый дар от Бога нужно получить?» Серафим отвечает: «Нет, чтобы стать святым – нужна решимость». Вот точно так и сказал – «решимость». Очень ёмкое это слово. Решимость, вообще, это волевой акт. Всё, я уже решил идти этим путем – напрямик к Богу, воспитанием в себе духа. «Воспитанием» в этимологическом смысле этого слова – вскармливанием духа, возвращением в себе духовности. Но решимость сразу не приходит. Решимости предшествует разум. Человек должен умом придти к убеждению, что прямой путь к Богу это намного лучше, чем в Москву – через Антарктиду. И, во-вторых, нужно захотеть – к Богу. А потом уже решимость.

Хорошо, когда она приходит, но если у нас её нет – что ж, может когда-то появится, а, может, и никогда не возникнет, но желание Бога, по всей видимости, должно быть у каждого из нас.

Целью должно быть. Стать людьми духовными, святыми – в высоком смысле этого слова. Потому что в библейском контексте все мы с Вами – люди святые, в определенном смысле, т.е., Богу посвящённые. Мы ведь Крещены, мы – христиане с Вами, а значит – святые. Другое дело, что в зеркало как посмотришь на себя, особенно по утрам, так сразу святой на тебя и воззрится. С опухшей физиономией: глаз один полуоткрыт, а второй – вовсе заплыл. Пузо отвисает. А как же – святой, ничего не скажешь!

Но, кроме шуток, мы ведь и вправду святые с Вами – раз Божии работники. Конечно, негодные, по словам апостола, но раз находимся в Господнем винограднике, так сказать, значит, святые, – в смысле, Божии. Но грешники, и духом хилые.

А вот Иоанн Лествичник или Антоний Великий – это были Святые с большой буквы этого слова. Дух главенствовал в их существе, и они были близки Богу в самом прямом смысле этого слова. И, конечно, наша с Вами задача – стремиться быть преподобными святыми по большому счету. Это, как говорил Ленин, программа–максимум. А вот программа–минимум – это устремлённость к Богу теми составляющими нашего существа, которыми мы худо-бедно еще можем владеть – телом и душой: прославим Бога телами нашими и душами нашими, которые также суть Божьи.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным.